

казываться от нее до истечения шестилетнего срока, в настоящее время, вы, по точному смыслу условия, не должны иметь право, тем более, что в силу того же условия и по соглашению с вашим поверенным мною заготовлено для будущего действия завода дров на два года вперед. Настоящий же ваш отказ от аренды без предупреждения меня об этом своевременно должен нанести мне значительный ущерб и существенно отозваться на всем экономическом строе хозяйства; оградить же себя от столь неприятных нечаянностей я не имел никакой возможности. С другой стороны, я не намереваюсь возобновлять от себя попытки производства на этом заводе и положительно отказываюсь затрачивать снова капитал на приобретение машин и на фундаментальные исправления, которых бы потребовал корпус завода. Полагаю, что всякий арендатор из специалистов так же оценит неблагонадежность подобного предприятия, тем более, что по собственному вашему отзыву условия для сахарного производства в нашей местности становятся с каждым годом менее благоприятными.

Выяснив вам мой взгляд на наше условие, я покорнейше просил бы вас, милостивый государь, уведомить меня о последующих ваших распоряжениях. Мне было бы чрезвычайно прискорбно, если б безусловным отказом от всякого лежащего на вас обязательства вы лишили бы меня надежды прийти с вами в этом деле к полюбовному соглашению.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности.

¹ Текст договора на аренду овстугского сахарного завода нам неизвестен.

Вел. кн. МАРИИ НИКОЛАЕВНЕ

(1852)

Великая княгиня *Мария Николаевна* (1819—1876) — дочь Николая I, в замужестве — герцогиня Лейхтенбергская. Тютчев был представлен ей в 1840 г. во время пребывания на курорте Тегернае близ Мюнхена. Тогда же было написано посвященное ей стихотворение «Живым сочувствием привета...». В последующие годы упоминания о Марии Николаевне не раз встречаются в письмах Тютчева среди имен представителей двора и высшего света, с которыми поэт встречался как в России, так и за границей.

Как видно из письма Тютчева к жене от 21 августа 1851 г. (ГБЛ, 308. 1.20), Мария Николаевна в 1845 г. содействовала помещению его дочерей Дарьи и Екатерины в Смольный институт.

Публикуемое ниже письмо продиктовано заботой о судьбе дочерей, ставших взрослыми: Тютчев просит предоставить одной из них место при дворе. Просьба эта была удовлетворена — в декабре 1852 г. старшая дочь Тютчева Анна была назначена фрейлиной к цесаревне Марии Александровне, жене будущего императора Александра II.

3 сентября 1852 г. Тютчев сообщал жене в несколько ироническом тоне о своем вынужденном обращении к великой княгине: «...первого числа этого месяца я отнес свое письмо великой княгине и не могу помешать тебе надеяться — до такой степени я испытываю потребность, неумолимую необходимость успеха... В случае успеха сообщу тебе содержание этого письма с чувством настоящей авторской гордости, как это сделал бы Чадаев или Северин, ~~и ты увидишь~~, что невозможно было написать письмо более убедительное и более настоятельное... более почтительно настоятельное. Не скажу, чтобы это стоило мне особенного труда, ведь я обращался к женщине» (ГБЛ, 308. 1.20; пер. с франц.). Сообщение, что письмо было передано адресату 1 сентября, дает основание полагать, что оно было написано накануне, т. е. 31 августа 1852 г.

Публикуемое письмо — единственное известное письмо Тютчева вел. кн. Марии Николаевне. Написано по-французски.

Печатается по черновому автографу (без даты и подписи), сохранившемуся среди писем Тютчева к жене (ГБЛ, 308. 1.20, л. 84—85) на языке оригинала и в переводе Н. И. Ф и л и п о в и ч. Беловой автограф неизвестен.

Письма вел. кн. Марии Николаевны к Тютчеву неизвестны.

⟨Петербург. 31 августа 1852⟩

Madame,

Il est des moments où on a un besoin si pressant d'une assistance divine, qu'on la réclame avec une foi, une confiance sans bornes... C'est dans un pareil moment que je m'adresse à V⟨otre⟩ A⟨ltesse⟩ I⟨mpériale⟩.

Madame, Vous comprenez tout, et c'est pourquoi Vous sympathisez avec toutes les souffrances... Voilà ce que je me dis, ce que je me répète, pour oser Vous parler comme je vais le faire. Ma situation Vous est connue. J'ai trois filles que les circonstances gênées où je me trouve condamnent nécessairement et pour longtemps peut-être à une existence bien humble et bien étroite. Dès cet hiver, qu'elles passeront à la campagne, elles vont commencer l'apprentissage de cette destinée toute de privation et de regret...

Mais quelque triste que soit une pareille existence, surtout au début de la vie — après tout c'est celle de tout le monde, que devant toute autre que Vous, Madame, c'est à peine si j'oserai y insister. Aussi n'est-ce pas là qui m'afflige le plus. Ce qui me navre le cœur — c'est une autre destinée, volontairement et bien méritoirement associée à la leur... c'est... pourquoi ne Vous l'avouerais-je pas, Madame, — c'est le dévouement de ma pauvre femme qui au mépris de sa santé et des soins qu'elle exigerait, se condamne à aller s'enfermer pour tout l'hiver à la campagne, à affronter cette vie d'isolement et de réclusion, qui n'est que de l'ennui pour de jeunes filles, mais qui pour une santé affaiblie, comme est la sienne, est pleine d'incontestable danger — et tout cela pour remplir un devoir qui serait le mien et que je ne me sens pas la force d'accepter.

Et voilà pourquoi dans le sentiment de ma détresse — c'est Votre Providence que j'invoque...

Il m'est pénible, plus pénible que je ne puis le dire, même devant vous, Madame, d'exprimer un vœu que je ne me reconnais aucun droit de former... Et cependant il est de fait, que si par l'auguste intercession de V⟨otre⟩ A⟨ltesse⟩ I⟨mpériale⟩ une de mes filles se trouvait placée à la Cour, cela faciliterait pour les deux autres des arrangements de famille qui rendraient quelque liberté à mes mouvements et soulèveraient de dessus ma tête un poids qui l'écrase...

Cette faveur, encore une fois, je n'y ai aucun droit, mais elle m'est bien nécessaire.

Madame, chaque fois que dans ma vie j'ai eu le bonheur d'approcher V⟨otre⟩ A⟨ltesse⟩ I⟨mpériale⟩, Votre Présence m'a toujours laissé dans l'âme quelque chose de particulièrement doux et bien-faisant. J'ai toujours trouvé qu'en Votre Présence, Madame, la vie était plus légère à porter... Pourriez-vous m'en vouloir, si dans cette gêne étroite j'ai presque involontairement recherché Votre main comme on cherche l'air et la lumière. — Non, le cœur de V⟨otre⟩ A⟨ltesse⟩ I⟨mpériale⟩ m'est garant, que quelle que soit l'issue de ma demande, Elle daignera trouver qu'elle n'est ni importune, ni déplacée.

Je suis avec le plus profond respect

Перевод:

Милостивая государыня,

есть мгновения, когда испытываешь столь настоятельную потребность в поддержке небес, что взываешь к ним с безграничной верой и надеждой... Именно в такой момент обращаюсь я к в⟨ашему⟩ и⟨мператорскому⟩ в⟨ысочеству⟩.

Сударыня, вы все понимаете, поэтому вы сочувствуете любому страданию... Я бесконечно повторял себе это, прежде чем осмелиться заговорить с вами о том, о чем пойдет речь. Положение мое вам известно. У меня три дочери, и стесненные обстоятельства, в которых я нахожусь, неизбежно обрекают их и, может быть, надолго, на жизнь весьма скромную и уединенную. Уже с этой зимы, которую они проведут в деревне, начнут они свыкаться с судьбой, исполненной горестей и лишений...

Но как ни грустно подобное существование, особенно на пороге жизни, — в конце концов, это общий удел, и обращаясь не к вам, сударыня, а к кому-нибудь другому, я едва ли ос-

мельился бы говорить об этом. Да и не это удручает меня более всего. Сердце мне раздирает мысль о другой судьбе, добровольно и самым достойным образом связанной с их судьбами... Это... признаю вам, сударыня, — это самоотверженность моей бедной жены, которая, пренебрегая здоровьем и тем уходом, который необходим для его поддержания, обрекает себя на заточение в деревне на всю зиму, на уединенную жизнь затворницы, что для молодых барышень всего лишь скучно, но для нее, с ее слабым здоровьем, несомненно еще и опасно, — и все это ради того, чтобы исполнить свой долг, который надлежало бы исполнить мне, но я не в силах на это пойти.

Вот почему, отчаявшись, я взываю к вашему покровительству...

Не могу сказать, как невероятно трудно мне выразить, даже вам, сударыня, то заветное желание, высказывать которое я не имею никакого права, — я это сознаю... И тем не менее несомненно, что, если бы благодаря высочайшему ходатайству в(ашего) и(мператорского) в(ысочества) одна из моих дочерей получила место при дворе, мне легче было бы устроиться в семье с двумя другими, и это хоть немного развязало бы мне руки и сняло бы с души камень, который на нее давит...

Повторяю, на эту милость я не имею никакого права, но она мне крайне необходима.

Сударыня, всякий раз, когда мне в жизни выпадало счастье приблизиться к в(ашему) и(мператорскому) в(ысочеству), в душе моей оставалось ощущение необычайного тепла и благодати. Рядом с вами я всегда ощущал, что бремя жизни становится легче... Неужели вы рассердитесь на меня за то, что в столь стесненных обстоятельствах я почти произвольно устремился к вашей руке, как стремиться к воздуху и свету. — Нет, сердце в(ашего) и(мператорского) в(ысочества) мне порукой, что, каков бы ни был исход моей просьбы, ваше высочество соблаговолит не считать ее ни докучливой, ни неуместной.

Остаюсь с глубочайшим почтением

В. П. МЕЩЕРСКОМУ

(1872)

Князь Владимир Петрович *Мещерский* (1839—1914) — реакционный публицист и писатель, в 1872—1914 гг. — издатель газеты-журнала «Гражданин» (в 1872—1878 — негласно). В первых же номерах «Гражданина» были помещены стихи Тютчева «Декабрьское утро» и «Ватиканская годовщина» (3 и 17 янв., № 1 и 3), затем — «Памяти М. К. Политковской» (6 марта, № 10) и в 1873 г. — «Наполеон III» (8 янв., № 2). 30 июля 1873 г. в «Гражданине» (№ 31) появилась статья «Свежей памяти Ф. И. Тютчева», подписанная именем Мещерского, однако целиком переработанная Достоевским, о чем последний писал жене: «...переправлял, живого места не оставил» (Ф. М. Достоевский. Письма, т. III. М., 1934, с. 70).

Мещерский был хорошо знаком с Тютчевым и постоянно упоминал о нем в своих мемуарах, называя его «царем остроумия» и «самым оригинальным» поэтом (В. П. Мещерский. Мои воспоминания, ч. I. СПб., 1897, с. 217, 324—328 и др.). По свидетельству И. А. Гончарова, Мещерский изобразил Тютчева в романе «Люди мира» (А. Д. Алексеев. И. А. Гончаров — член редакционно-издательского комитета сборника «Складчина». — РЛ, 1971, № 3, с. 93). Предполагается, что он вывел Тютчева и в других своих романах: «Дневник Ольги Николаевны» и «Хочу быть русской» (И. А. Королева и А. А. Николаев. Ф. И. Тютчев. Библиографический указатель произведений и литературы о жизни и деятельности. М., 1978, с. 226). Мещерскому принадлежат отзывы о биографии Тютчева, написанные И. С. Аксаковым («Гражданин», 1874, № 49, 9 декабря).

Публикуемое письмо — единственное известное письмо Тютчева Мещерскому. Написано по-французски.

Печатается по автографу (ГБЛ, 308.2.9) на языке оригинала и в переводе К. В. Пигарева.

Письма Мещерского Тютчеву неизвестны.